

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если бы эта книга была написана в 1977 году, сегодня она была бы не менее популярна в русскоговорящем научном сообществе, чем «Структура научных революций» Томаса Куна. Но она вышла на английском языке в 1987 году, французский авторизованный перевод увидел свет в 1989 году, и когда сила ее аргументов получила общественное признание, СССР уже не было, а кризис инвестиций в науку в России 1990-х годов привел к тому, что проблемы развития науки уже мало кого волновали. На науку внутри России почти не было денег, а значит, не было и интереса изучать то, как она развивается. Потому книгу тогда и не заметили. Публикуя классический труд Бруно Латтура, мы пытаемся устранить эту досадную лакуну.

Если бы книга, однако, была переведена сразу же после ее появления, или была бы написана на 10 лет раньше, она повлияла бы на обычные термины советского научного и науковедческого языков. Расхожую аббревиатуру позднего советского периода НТР (научно-техническая революция) пришлось бы как-то координировать с аббревиатурами ИНТ (исследования науки и технологий) или НТО (наука, техника и общество). И неочевидно, каким термином мы бы пользовались сейчас как наиболее распространенным.

Аббревиатуры ИНТ и НТО — русские кальки расшифровок англоязычной аббревиатуры STS, которая стала обозначением нового обширного поля междисциплинарных исследований науки и технологических инноваций. Это поле бурно развивалось с конца 1970-х и после появления только в США около 20 бакалавриатов по STS и первой полномасштабной программы PhD по STS в Корнелльском университете стало отдельной академической специальностью, со своими журналами и всемирными профессиональными ассоциаци-

ями типа «4S» (Society for the Social Studies of Science). Надо помнить, однако, что одной и той же аббревиатурой (STS) сначала обозначали сами себя две разные группы ученых, которые расшифровывали этот термин либо как *science and technology studies* (ИНТ), либо как *science, technology and society* (НТО). Разница была в следующем. ИНТ объединяло тех, кто был преимущественно академически заинтересован в применении конструктивистской парадигмы к исследованиям науки и техники, а расшифровка STS как НТО подчеркивалась теми, кто был настроен более активистски и требовал введения элементов демократического принятия решений при планировании научной политики технократами, настаивал на учете интересов населения и т. п. [Sismondo 2008: 18].* Со временем появлялось все больше исследований, попадавших в оба лагеря, так что ныне многие англоязычные авторы вообще не расшифровывают термин STS, считая, что различия между первоначальными лагерями во многом стерлись. Русским же исследователям, переводящим термин STS на русский, приходится в своей интерпретации все так же выбирать между уже не существующими лагерями, или — как поступают многие — просто передавать STS русским созвучием «СТС».

В этом кратком предисловии я не буду пересказывать основные тезисы книги, так как многие из них приводятся во введении, написанном мною к переводу другой книги Латура, — манифеста «Нового времени не было». Подчеркну лишь, что в отличие от всего, когда-либо переведенного на русский язык из обширного наследия Латура, «Наука в действии» — это самая эмпирически укорененная книга, прочтя которую, читатель получит не теоретические постулаты, а конкретные примеры, с которыми сможет разбираться и работать сам. Иными словами, в представляемой читателю книге показывается на основании детального обобщения исторических и эмпирических исследований то, как наука действительно работает, а не то, что нам рассказывают ученые, выходя из своих лабораторий и конференц-залов. Не прочтя этой книги, нельзя сказать, что вы понимаете Латура, — потому что именно здесь собраны вместе почти все его любимые эмпирические примеры, на которых покоится его теория. Читая ее, вы как будто попадаете внутрь лаборатории или сборочного цеха самой латуровской мысли.

* Заметьте, что во введении к данной книге Латур пользуется термином STS как означающим НТО.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Важно также отметить и ее особые методологические аспекты. Сам автор, как гласило англоязычное издание, хотел не дать обзор всех результатов исследований в сфере STS, а «лишь постараться суммировать их *методы* и обрисовать те общие основания [the ground that <...> they all have in common], из которых, порой сами этого не осознавая, они исходят» [см. с. 42 наст. изд.]. Во введении, специально написанном Латуром к французскому изданию книги 1989 года, автор признавал: дать описание наименьшего общего знаменателя для всех исследований если не в STS, то хотя бы в «социологической части» STS — не удалось; критика со времени выхода книги в 1987 году показала, что латуровский дискурс рассматривают как одну из особых программ развития проблематики STS [Latour 1989: 19].

Этому, наверное, способствовало то, что, во-первых, книга начиналась с изложения проблемы *черного ящика* в науке и того, как факты постепенно «очернящаются»; во-вторых, далее в тексте для интерпретации достижений всего поля исследований STS использовался прежде всего весь набор категорий Каллона — Латура — «акторная сеть», «перевод» и т. п., который Латур либо почерпнул у Мишеля Каллона, либо придумал сам и отточил в совместной работе с ним, но который сначала не был общим словарем для многих других теоретиков STS. Во введении подчеркивалось также, что то, чем занимается книга, — это *sociologie des sciences*, т. е. социология прежде всего естественных или точных наук, которая характеризуется особым вниманием к тому, как производится объективный мир природы и артефактов, в котором мы живем. Эта «социология наук» должна быть противопоставлена как (а) традиционной социологии ученых как особой профессиональной группы, так и (б) критической социологии в духе Пьера Бурдьё, которая искала за заявлениями ученых или другими идеологическими формами скрытую или скрываемую реальность господства одной социальной группы над другой. Многие социологи, интересовавшиеся тогда STS, тяготели, однако, или к традиционной, или к критической социальной теории науки. Со временем стало ясно: книга Латура 1987 года вместе с появившимся вскоре после нее трудом Болтански и Тевено (*De la justification*, 1991) ознаменовали конец господства бурдьёвской школы во французской социологии.

Часто основной скандальный тезис книги передают так (посмотрите на статьи в «Википедии», и вы в этом убедитесь): не только люди, но и морские свинки, микробы, пробирки и теоремы тоже дей-

ствуют в сетях современной технонауки; потому их надо назвать актантами, как и людей, и их действиям приписать такую же важность, как и действиям людей. Однако вся эта кутерьма вокруг актантов обычно не дает заметить, насколько принципиальна для Латура совсем другая категория — категория технонауки.* Пример с совершившим самоубийство Дизелем в Главе 3, один из самых ярких для Латура, показывает: изобретение новой модели мотора в голове Дизеля (на основании законов термодинамики Карно) есть только начало научного прорыва. Однако, чтобы модель превратилась в работающий прототип, нужна целая стадия R&D («исследований и разработок», т. е. НИОКР), а об инновации можно говорить, только когда начинают производиться и продаваться тысячи серийных изделий. На стадию НИОКР и превращение прототипа в коммерчески привлекательный и продающийся образец нужна куча времени и денег, и часто первоначальная идея трансформируется до неузнаваемости за счет присоединения к сети новых элементов (как и случилось с дизельным двигателем). Технонаука — это состояние современного производства научного знания, которое характеризуется не только тем, что технические средства — такие, как пузырьковые камеры, секвенаторы и хроматографы — постоянно используются для построения теорий и фактов, но и тем, что без воплощения нового научного факта или теории в работающем образце техники эти факты или теории могут быть поставлены под вопрос. А на подобное воплощение и тратится большинство средств: как показывают статистические данные, приводимые Латуром в этой книге, на прикладную науку и НИОКР уходило до 90 процентов всех средств, оставляя так называемой фундаментальной науке около 10 процентов.

Это значит, что интересы ученых и инженеров-разработчиков, доводящих идею до прототипа, а потом и до продающегося образца, совпадают. В Главе 1 изложение искусно подводит вас к пониманию совпадения не только интересов, но и самой структуры деятельности ученых и инженеров. Описав научные споры по поводу того, запускать ли в ход производство ракет МХ и что делать по поводу гормона СРГ, Латур пишет [с. 50]: «Третий пример продемонстрирует, что те же фундаментально противоположные направления движения

* Центральность латуровской категории технонауки для понимания сегодняшнего состояния производства знания в естественных науках подчеркивает, например, Стивен Шейпин [Sharin 2008: 2].

ПРЕДИСЛОВИЕ

мысли можно обнаружить и в работе инженеров». И далее рассказывает нам о спорах по поводу реалистичности создания эффективных топливных батарей для электромобилей.

Тут, однако, следует остановить это невинное приравнивание (в терминах самого Латура — «перевод», «трансляцию») жизни инженеров к жизни ученых в сфере технауки. На самом деле не в жизни инженера Латур находит элементы, похожие на элементы структуры жизни обычного ученого, а вся его книга интерпретирует жизнь ученого по модели жизни инженера. Отсюда радикальность ее основного вывода, шокирующая многих, если применить ее к жизни ученого: люди и микробы имеют в современной науке одинаковый статус равных действующих лиц??? Вот это да!.. Но с точки зрения разработчика в сфере НИОКР или наладчика опытного производства, гибель свинок, нехватка пробирок и реактивов или уход инвестора имеет одни и те же последствия — конец проекта. Потому все эти факторы в феноменологии жизни современного инженера-менеджера имеют один онтологический статус. Их можно уравнивать как элементы одной сети, которую надо сплести, чтобы проект удался, разработка заработала, образец продан. И разработчики это делают постоянно. Так, перед тем, как сформулировать свое пятое методологическое правило, Латур пишет [с. 280]: «Но возможно также и то, что <...> крысы умрут, пандорин превратится в артефакт, конгрессмены проголосуют против утверждения бюджета, шеф разозлит министра, который отменит распоряжение своих советников... Для нас, следующих за учеными, вопрос состоит не в том, чтобы *решать*, какая из этих связей [цепи или сети элементов. — О. Х.] является “социальной”, а какая “научной”; вопрос для нас, так же как и для тех, кого мы изучаем, должен быть лишь один: “Какая из этих связей выстоит, а какая не устоит?”» Иными словами, в этом прагматическом мире важен успех запуска разработки, а не абстрактный вопрос, имеют ли отдельные ее элементы «человеческий» или «природный» характер.

Мишель Каллон, похоже, первым подробно описал эту особенность практической жизни инженеров. Исследуя столкновение электроэнергетической монополии EDF (Electricite de France) и заводов «Рено» в 1970-е годы по поводу реалистичности создания электромобиля под названием VEL, Каллон заметил, что инженеры и той, и другой компании были как бы стихийными социологами, имеющими свои представления о том, как работает или как должно работать

общество. Он назвал этот феномен *impure sociology of engineers*, неочищенной социологией инженеров, или социологией с примесью — в отличие от гомогенизированной и рафинированной социологии социологов [Callon 1987: 98]. Инженеры как EDF, так и «Рено» могли перескакивать с политических на технические аргументы несколько раз в течение одного спора; и апелляции к вещам только помогли им решить разногласия по поводу социальных процессов.

После парижских событий в мае 1968 года EDF решила инвестировать в создание электромобиля, который соответствовал духу времени — критике консьюмеризма современного капитализма и загрязнения окружающей среды. Символом первого и второго стал традиционный автомобиль. Представления инженеров EDF о том, куда надо развиваться французскому обществу, натолкнулись на возражения «Рено», что, несмотря на революционный порыв вокруг, потребители все еще хотят традиционный семейный автомобиль. Но спор о том, куда идет Франция или что ей нужно, был решен не в академических аудиториях или на политических митингах, а в лабораториях, когда инженеры «Рено» протестировали все допущения инженеров EDF и нашли слабое звено: по их расчетам, мощные и легкие батареи для электромобиля могли появиться не раньше, чем через 15 лет. Даже если инженеры EDF совершат чудо и создадут нужные батареи раньше, аргументировали инженеры «Рено», как они будут решать проблему замены отработанного электролита? Ведь это потребует создания целой сети новых станций заправки свежим электролитом, а против этого активно выступит мощное нефтяное лобби. Попытка же создания неэлектролитных батарей потребует новых исследований в квантовой физике, где быстрые результаты не гарантированы. В результате проект VEL был похоронен.

Пример со спором инженеров EDF и «Рено» об электролитных батареях, который исследовал Каллон, а потом использовал в своей книге Латур, показывает, как внутри STS сформировалась традиция исследования того, что можно назвать феноменологией жизни инженера. Данная книга — лучший ее пример. Жизнь западноевропейского или североамериканского ученого, вписанного в сети технауки и связанного в конечном счете с НИОКР и рыночным успехом опытных образцов, может быть также адекватно описана в соответствии с такой феноменологией. Вопросы возникают, однако, когда эта феноменология берется за модель жизни ученого во всех дисциплинах и во всех обществах. Например, до сих пор непонятно, на-

ПРЕДИСЛОВИЕ

сколько успешно «очерноящичевание» достигало своей цели в СССР, где можно было ограничиться одной удачной разработкой, но не выходить на стадию коммерчески успешного массового производства, и где основным заказчиком являлся военно-промышленный комплекс, а не рынок. (В нашем недавнем исследовании делалось предположение, что вместо машин по производству эффективности Советский Союз создавал черные ящики по производству гордости, и потому постоянные поломки машин эффективности не воспринимались как проблема — см.: [Хархордин, Алапуру, Бычкова 2013: 338—339].)

Еще большие проблемы возникают, когда из теории Каллона и Латура начинают делать теорию жизни вообще, превращая феноменологию инженерной жизни в феноменологию человеческой жизни как таковой. Теодор Адорно еще в 1930-е годы критиковал раннего Хайдеггера за то, что тот в «Бытии и времени» представил нам феноменологию жизни ремесленника, работающего с подручными инструментами и материалами в свой мастерской, как феноменологию человеческой жизни вообще. Схожим образом те, кто видят в Латуре и Каллоне философов человеческой жизни как таковой, неправомерно представляют их модель инженерной жизни как модель жизни человека вообще. В этом ракурсе и кажется диким, что в нашей повседневной или профессиональной жизни микробам надо обязательно приписывать такие же способности к действию, как и людям.

Да, современных естествоиспытателей можно описать по модели конструкторов черных ящиков. Они исходят из анализа следов, оставленных природой в их записывающих и визуализирующих устройствах, для создания чего-то твердого, на что можно опереться в своих выводах о реальности и на основании чего можно будет сконструировать безотказно работающий черный ящик. Модель такой жизни, однако, — это конструктор моторов по типу дизельного двигателя, который своим урчанием рядом подтверждает реальность фактов и законов термодинамики (это — любимый пример для Латура, как мы знаем). Секрет такой жизни — в самом названии профессии «инженер». Оксфордский словарь английского языка говорит: хотя слово *engine* шло от *ingenium* и первоначально значило «редкий талант, гениальность, специальный навык или трюк», *engineer* — это тот, кто строит военные укрепления или моторы (*engines*). Интерпретировать жизнь человека вообще по модели моторостроителя — значит обеднять ее. Многие сферы человеческой жизни не похожи на

практики собирателей или сколачивателей черных ящиков. Монахи не делают и не могут сделать из Бога исправно работающий черный ящик, а горшечник, позволяющий глине принять присущую ей форму, не пытается природу, как естествоиспытатель. Но и интерпретировать даже жизнь ученых во всех областях науки по модели жизни моторостроителя — значит считать, что прагматический режим прихождения к истинным суждениям о реальности везде один и тот же и напоминает естествоиспытательство, ведущее к моторостроению. Что неверно, конечно. По крайней мере, неверно, пока общественные науки не переделаны полностью по модели естественных наук, если — в чем сомневаются многие — это вообще возможно.

Социология, например, опирается на опросы, анкеты, интервью, анализ статистики и документов. Казалось бы, почему не построить работающие черные ящики на основе таких методов сбора эмпирических данных? Но попытка сконструировать черный ящик на основании таких методов доступа к реальности проваливается. Потому мы и не имеем до сих пор, например, вакцины от коррупции. Дело в том, что пытаться людей, как пытаются природу, — нельзя. Вернее, можно, но очень осторожно — лишь задавая вопросы или ведя расспросы, не задевающие или не нарушающие интересов опрашиваемого или интервьюируемого. Слово «пытати» в древнерусском означало «спрашивать», и мы не знаем, было ли связано это вопрошание с насилием или нет в те времена. В современном социологическом исследовании, однако, точно нельзя переходить от опросов или расспросов к допросу с пристрастием, который до сих пор практикуется в полиции некоторых стран.* Только пытка или угроза пытки и истязаний превращает человеческое поведение в почти полностью предсказуемое. Черный ящик, который производит такое поведение, история знает — это концентрационный лагерь, ломающий прежние моральные установки и приводящий к смене личности. Потому, хотя техники опроса и расспросов находятся в опасной близости с техниками допроса,** социология, тем не менее, не строит черный ящик, который будет жестко производить заданное или предсказанное поведение людей.

* Как недавно выяснилось, именно из-за таких методов американские спецслужбы во время правления Мубарака перебрасывали подозреваемых в терроризме на допросы в египетские тюрьмы.

** Социология, как считают многие, все же родилась из нужд полицейского государства, которому надо было контролировать вдруг появившиеся в результате разложения *Ancien régime* массы формально свободных людей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В самом конце книги Латур призывает не описывать естественные науки методами традиционной социологии, тем самым игнорируя феноменологию и прагматику инженерной жизни. Но тогда должно быть верно и симметричное предложение: поняв, в чем заключается специфика жизни в мире естественных наук, надо прагматически и феноменологически рассмотреть и мир общество-веда, а не естество-пытателя, то есть не навязывать модели жизни ученых из естественных наук тем, кто живет по-другому.

Тут, кстати, открывается возможность выявить специфику метода самого латурианского исследования естествоиспытателей. Как мы знаем, он не только ис-следует следы, оставленные учеными естественных наук во время их испытаний, опытов и опытно-конструкторских разработок. Он не только идет по следам (как делают естествоиспытатели, изучая следы, оставленные природой в их самописцах). Он, как свидетельствует само название книги и многие заявления главных адептов данного метода, прежде всего «следует» за учеными и инженерами в их опытах, спорах, сомнениях и открытиях, он *ходит* вместе с ними, а не *смотрит* на оставленные ими следы. Правда, в терминах другой области человеческой деятельности можно сказать, что он *следит*, а не *исследует*, что его метод отличается от того, что в социологии и антропологии называется красивым термином «включенное наблюдение», так как метод Латура — следовать за учеными и инженерами — опасно близок к полицейской слежке. Как замечает Каллон, «этот метод дает социологам возможность исследовать большие секции общества (подглядывая через плечо инженера, так сказать)» [Callon 1987: 98]. Именно это *подглядывание* и дало все чудесные новаторские результаты STS в версии Каллона — Латура: вместо того чтобы слушать, что ученые говорят про то, что они делают в науке, Каллон и Латур шли за зоологами морской фауны, микробиологами, почвоведом — и подглядели то, что те делали на самом деле.

Плохо ли это или нет? Само желание жить среди изучаемого племени, чтобы описать увиденные практики жизни, — стандартный антропологический подход, который Эрнест Геллнер приписывал народническим симпатиям Бронислава Малиновского, отправившегося понимать таинственный, хотя и нескрытый, феномен под названием «народ». Желание не жить вместе, а следовать, т. е. приходить и следить, — это несколько другое. Но, как я уже отмечал, полицейские методы и методы даже традиционной социологии схожи; однако важ-

но понимать, какие разные ограничения налагаются на метод производства знания в полицейском дознании и в научном познании.

Люк Болтански в своей последней книге — о том, почему полицейский роман и детектив появились одновременно с расцветом классической социологии Вебера и Дюркгейма, — отмечает, что французское слово *enquête* применимо как к полицейскому, так и к журналистскому расследованию или к социологическому исследованию (как с помощью анкет, так и с помощью интервью). Эпистемологически, пишет он, они мало различаются [Boltanski 2012: 357]. Все эти три типа ис- или рас-следования начинают с индивидов для того, чтобы описать некоторую коллективную единицу, к которой они принадлежат, очертания коей более или менее нечетки. Искомой единицей может быть социальная группа, которую хотят описать социологи, сеть контактов или связей, на которую хочет указать журналист, или заговор или сговор, который ищут секретные службы или полиция. В социологии, конечно, действует требование анонимности информанта или респондента, чтобы научное описание не повредило исследуемому. Журналисты в своих расследованиях часто обязаны давать реальные имена для подтверждения своих утверждений или обоснования критики, но в случае «горячих» конфликтов вынуждены скрывать сведения о своих источниках информации, которых могут убить или наказать. Полицейские расследования вообще не останавливаются ни перед чем, чтобы четко идентифицировать личности, так как в этом заключается их задача — подготовить почву для решения суда по поводу отдельных индивидов.

Разница между тремя этими типами поиска следов, пишет Болтански, заключается в их отношении к суду и осуждению. Полицейское расследование всегда имеет целью дать базу для юридического суждения, т. е. собрать всю информацию о предполагаемом преступлении и доказательства вины и представить их на рассмотрение суда. Журналистское расследование не имеет власти выносить судебные вердикты, но оно дает моральные суждения об описываемых людях, и тем самым влияет на их репутацию (что часто и заставляет людей делиться информацией с журналистами). Специфика традиционной социологии по сравнению с двумя этими типами исследований в том, что она отрекается от всякой претензии на суждение об индивиде; она исследует следы его или ее поведения для вынесения суждения о характере коллективной единицы. Поэтому традиционная социология говорит о «системах», «процессах», «структурах» —

ПРЕДИСЛОВИЕ

и только таким образом избегает того, чтобы нечаянно «подставить» исследуемого индивида и превратить его в мишень. Правда, это и дает почву для упреков социологам, что они релятивисты, что они избегают говорить конкретно, придумывают мифические социальные силы, и т. п. [Boltanski 2012: 359].

Подобные контрасты можно наметить и между полицейской слежкой и следованием за инженерами, которым предлагали заниматься Каллон и Латур. Если полицейская слежка требуется для сбора оперативных данных после решения отдать индивида в «разработку» и делается тайно*, то подглядывание через плечо инженера делается явно. Цель этого подглядывания — описать, как ученый или инженер вовлечены в опытно-конструкторскую разработку (ОКР), а не «разработать» самого ученого. Продукт научного слежения — схема сети элементов, которая привела к успешной или неуспешной ОКР. Продукт полицейской слежки — схема связей индивида, когда он сам представляется как некая сеть элементов, т. е. как набор его контактов, любимых предметов и мест, привычек и хобби. Еще одно различие: если полицейская слежка производит знание о человеке как об объекте наблюдения, которое будет использовано для превентивных действий или для рассмотрения в суде, то научное наблюдение «через плечо» дает знание не о конкретном человеке, а о целой сети человеческих и нечеловеческих элементов без целей осуждения или предотвращения действий вовлеченных в эту сеть.

Мы знаем, что латурианская социология избегает упоминания деталей персональных данных индивида, как и традиционная социология, но она ищет не «системы», как традиционная социология, а «акторные сети». О разнице между системами и акторными сетями Каллон пишет: когда трудно эмпирически определить, где кончается система и начинается внешняя среда, то становится ясно, что само разграничение на внутреннее/внешнее и на систему/среду — это результат работы акторной сети, которая обычно работает с элементами гибридного порядка, но в конце концов (если это потребуется для каких-либо классифицирующих целей) наделит их статусом социальных либо природных элементов — в результате стихийной и нерафинированной социологии самих инженеров [Callon 1987: 99–100].

* Явная слежка практикуется не полицией, а спецслужбами, и преследует цели устрашения наблюдаемого и информирования его о контроле над ним.

Конечно, наружное наблюдение, ведущееся полицией, отличается от включенного, которое не скрывается социологом от исследуемых и делается по их согласию. Но «следование за инженерами и учеными сквозь общество» подразумевает, что этот тип слежки, как и «наружка», мобилен. При включенном наблюдении исследователь, как правило, сидит в деревне, рабочем коллективе или лаборатории, мало передвигаясь. При следовании за учеными и инженерами в процессе построения их протяженных сетей исследователь, работающий по методике Каллона — Латура, должен ехать с ними в лабораторию или в поле (если есть период полевых исследований), смотреть, как они собирают и обрабатывают лабораторный или полевой материал, как и где общаются с инвесторами и спонсорами, составителями и издателями схем, статей и учебников, выезжают к представителям массмедиа, в министерства и грантодающие организации. Эта мобильность и дает новые удивительные результаты.

Когда весной 2013 года я спросил Бруно, готов ли он написать новое предисловие для русского издания его книги, ответ был отрицательным. Не потому, что книга устарела или плохая (как раз потому что она хорошая, она и не требует нового предисловия, так как все эти годы она говорила и говорит за себя сама), а потому что автор сейчас слишком занят, и занят немного другим. Акторно-сетевая теория и ее популярность в последние 25 лет (а «Наука в действии» является, как теперь утверждает Латур, приложением именно этой версии STS) отвлекла его всю эту четверть века от того, чтобы закончить труд его жизни, который наконец вышел на французском (в 2012 году) и на английском (в 2013 году) под названием «Исследование о способах бытия». Последняя книга не является философским обобщением эмпирических исследований, собранных и описанных в «Науке в действии». Ведь из 15 способов или модусов экзистенции, о которых идет речь в последней книге, «Наука в действии» описывает только три способа доступа к истине бытия. Это установление и проверка истины (1) с помощью цепи научной референции, (2) с помощью технических махинаций и (3) с помощью суждения о жестких исторических фактах типа «Наполеон был разбит под Ватерлоо в 1815 году» (чем «Википедия», например, отличается от истины, которую познаешь и проверяешь, читая Евангелие от Матфея) [Latour 2013: 297]. Популярность этих трех способов проверки и удостоверения реальности среди естествоиспытателей не должна мешать нам подробнее проанализировать остальные 12, на которых сейчас сконцен-

ПРЕДИСЛОВИЕ

трировалось внимание группы Латура, разместившей тексты книги на сайте <http://www.modesofexistence.org> и предложившей читателям участвовать в ее дописывании, тестируя различные способы веридикции, т. е. установления истины и удостоверения доступа к реальности.

Чем различаются способы бытия? Как было замечено в первой рецензии на последнюю книгу, сразу появившейся в газете *Le Monde*, быть бозоном в Большом адронном коллайдере — это не то же самое, что быть столом, реальность которого проверяется ударом кулака по нему, и не то же самое, что быть другом [Maniglier 2012]. Тут разные способы явленности и удостоверения в реальности этой явленности. Быть под рукой — это одно дело, быть не замечаемым без пузырьковой камеры или микроскопа — это другой тип бытия или существования, а быть другом — третий (для регистрации точного наличия дружбы нет своего микроскопа, но и обычными органами чувств эту реальность ни потрогать, ни увидеть, ни услышать, ни понюхать). Ангелы не регистрируются естественнонаучными способами установления достоверной реальности; но в религиях есть выверенные процедуры, дающие надежду на доступ к ангелам или, вернее, на их явление нам. Книга о модусах существования вводит в рассмотрение не только то, как является реальность мира ученому-естествоиспытателю, но также и то, как нам является бытие и в других способах человеческой жизни — в религии, искусстве, экономике, праве, административной организации и т. п. В пределе Латур в своей последней книге, которая претендует чуть ли не на гегелевский размах (описать все сферы жизни в энциклопедии метафизических наук), предлагает «метаязык, который не имеет другой цели, как защитить онтологический плюрализм от того, чтобы его не раздавила субъект-объектная схема» [Latour 2013: 298].

Однако даже если эта последняя книга с энциклопедическим замахом и приглашением читателя к коллективному исследованию и станет основным трудом всей жизни Латура, надо понимать, что тщательная проработка деталей модусов явленности бытия началась с понимания специфики того, как существование являет себя ученым в естественных науках. Таким образом, «Наука в действии» — необходимое чтение не только для тех, кто интересуется STS или «ранним» Латуром, а неизбежная ступень и для понимания нынешнего, более метафизичного Латура. Чтобы самому оставить след в науке, сначала надо пройти по следам других или вместе с другими, — как и предлагает Латур.

Boltanski, Luc (2012), *Énigmes et complots; une enquête à propos d'enquêtes*. Paris: Gallimard.

Callon, Michel (1987), "Society in the making: the study of technology as a tool for sociological analysis, in: W. E. Bijker, T. P. Hughes and T. J. Pinch (eds.), *The Social Construction of Technical Systems: New Directions in the Sociology and History of Technology*. Cambridge, Mass., London: MIT Press, p. 83–103.

Latour, Bruno (1989), *La science en action: Introduction à la sociologie des sciences*. Paris: La Découverte.

Latour, Bruno (2012), *Enquête sur les modes d'existence: Une anthropologie des Modernes*. Paris: La Découverte.

Latour, Bruno (2013), "Biography of an inquiry: on a book about modes of existence", in: *Social Studies of Science*, vol. 43, N 2, p. 287–301.

Maniglier, Patrice (2012), "Qui a peur de Bruno Latour?", in: *Le Monde des Livres*, 21 sept.

Shapin, Steven (2008), *The Scientific Life: A Moral History of a Late Modern Vocation*. Chicago: The University of Chicago Press.

Sismondo, Sergio (2008), "Science and technology studies and an engaged program," in: Edward J Hackett et al. (eds.), *The Handbook of Science and Technology Studies*. Cambridge, MA and London: MIT Press, p. 13–21.

Хархордин, Олег, Алапура, Ристо, Бычкова, Ольга (ред.) (2013), *Инфраструктура свободы: общие вещи и res publica*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Олег Хархордин, сентябрь 2013